

Н.В. Ушакова

**Социально-экономические аспекты
развития монастырей домонгольской Руси
в советской историографии 1920–1940-х гг.**

N.V. Ushakova

**Socio-economic Aspects of the Development
of Monasteries in Pre-Mongol Rus
in Soviet Historiography of 1920–1940s**

Советские исследователи 1920–1940-х гг. рассматривают социально-экономическую деятельность монастырей в различных аспектах: становления и развития землевладения, благотворительности, участия в торговых операциях, накопления богатств за счет вкладов.

Key words: историография, монашество, домонгольская Русь, советские исследователи, социально-экономические процессы, становление монастырей.

Историография советского периода большое внимание уделяла вопросам взаимодействия государства и общества в домонгольский период отечественной истории. Проблемы принятия и распространения христианства занимают одно из ключевых мест в развитии Киевской Руси [1, с. 234]. Введение там христианства часто связывается с укреплением государственности. Исходя из положений формационной теории историки изучали развитие феодальных отношений в домонгольской Руси, учитывая степень развития общества, наличие его дифференциации, выделение класса крупных земельных собственников, распространение княжеской власти. Поэтому историография социально-экономической деятельности первых русских монастырей связана с рассмотрением двух крупных проблем: становление крупных земельных владений и начало закрепощения крестьян. Развитие монашества в домонгольской Руси непосредственно связано с практикой Византии, где были сильно развиты феодальные отношения и перенесение основ и принципов монашеского движения было обычным. В Византии были прочными связи между монастырями и управленческой верхушкой, и со времени своего появления русское монашество постоянно обращается за помощью к князьям в решении земельных споров.

Монастыри на Руси активно включались в социально-экономическую жизнь. Помимо строительства богоугодных заведений и ведения торговых операций, особое внимание заслуживает политическая актив-

The Soviet scholars of 1920–1940s consider the socio-economic activities of the monasteries in various aspects, namely: formation and development of agriculture, charity, trade operations, saving up money at the expense of deposits.

Key words: historiography, monkhood, pre-Mongol Rus, Soviet researchers, socio-economic processes, establishment of monasteries.

ность монастырей, их взаимодействие с княжеской властью и верхушкой боярства.

Развитие монашества в домонгольской Руси тесно связано с деятельностью власти. Князья в Киеве и других городах строили обители на собственные средства, приглашая игуменов из крупных монашеских центров Киевской Руси. Цели объединения русских земель, преследовавшиеся при переходе к новой христианской религии, задачи укрепления великокняжеской власти были восприняты и монахами как участниками общественной жизни и отчасти посредниками между княжеской властью и населением.

Монастыри как крупные религиозные организации участвовали и в социально-экономической жизни. Многие из них становились крупными землевладельцами, накапливали капиталы, на что не раз обращалось внимание в ранней советской историографии.

Г.К. Крыжицкий акцентировал внимание на вопросах приобретения или присоединения монастырем новых территорий. Обосновывает историк необходимость обладания земельными угодьями очень просто: «чтобы есть – нужен хлеб, а чтобы иметь хлеб, нужна земля» [2, с. 7]. Применявшиеся иноками способы «завладения» землей были различны. Из-за обширности государства монахи «начинают забирать землю», а что не смогут забрать, то «прикупят», а то и в дар получают «вкладом “за упокой души”, чтобы по ним в том монастыре вечное поминание было...» [2, с. 7]. Помимо земельных отношений, монастыри активно

включаются и в торговую деятельность. Г.К. Крыжицкий находил, что монахи «умели купить-продать, и монастыри издавна были большими торговыми центрами» [2, с. 7]. По его мнению, в монастырь съезжались крупные «купцы, гости торговые, собирались богатые богомольцы», и не только по религиозным нуждам, здесь «сговаривались и сторговывались», – утверждал Г.К. Крыжицкий [2, с. 7]. В результате монастыри становились все «богаче и богаче, их угодыя все возрастают и возрастают» [2, с. 7].

По определению И.В. Лобачева, монастыри получали большие доходы от различных видов деятельности: эксплуатации крестьян, содержания гостиниц и приезда богомольцев, а также за счет помощи из казны [3, с. 127]. Богатство монастырей и влияние духовенства на княжескую власть в совокупности, как представлялось И.В. Лобачеву, с распутной жизнью в обителях, конечно, развивали «у трудового люда неприязнь к монастырям и монахам» [3, с. 127].

Распространение обителей привело к увеличению монастырских земель. Помимо князей и зажиточных людей, именно монастыри, по утверждению Б.П. Кандидова, «являлись крупными помещиками землевладельцами» [4, с. 11].

Е.Ф. Грекулов уделял внимание участию церкви в товарно-денежных отношениях. Как правило, она выступала посредником между купцами и обществом, являясь «помощницей купцов», «священник исполнял обязанности бухгалтера и корреспондента торговой артели и получал от нее жалование» [5, с. 86]. Такое положение церкви и монастырей, – полагал Е.Ф. Грекулов, – исходило не из личного желания, а было зафиксировано в нормативных документах. Например, – указывает историк, – «о необходимости хранить меры и весы торговые в церкви под ее надзором упоминается уже в уставе св. Владимира» [5, с. 86]. Принимая деятельное участие в торговых операциях по всей территории Руси, церковь фактически контролировала торги и ярмарки, «принимала деятельное участие в товарообмене, направляла его и им руководила» [5, с. 87].

В.И. Писарев историю русского монашества связывает с развитием землевладения. Исследователь ссылается на положение Г.В. Плеханова о существовании церковного феодализма, который отличается от светского тем, что «в церкви господствует коллективная сеньория; церкви и монастыри владеют землей и зависимыми людьми, как коллективные помещики». Такой коллективизм, подчиненный четкой иерархии, позволял монастырям «накапливать огромные земельные и денежные богатства, быть эксплуататором по отношению к сельскому населению, и отдельным представителям церкви владеть большими личными средствами и крепостными людьми» [6, с. 6]. В.И. Писарев останавливается на землевладении Киево-Печерского, Юрьевского и Хутынского монас-

тырей. Как правило, все их земельные приобретения были связаны с княжеской властью или княжескими дарами [6, с. 7]. Земельные владения монастырей являлись крупными, но не единственными источниками дохода. В.И. Писарев подчеркивает, что деятельность монастырей направлялась на обогащение, поэтому и богомолье, и сбыт изделий являлись источниками наживы [6, с. 8]. Деятельность обителей затрагивала не только внутренний рынок, но и внешнюю торговлю. Монастыри «обзаводились промысловыми хозяйствами, из которых наиболее распространенными являлись варка пива, меда и вина, ловля птиц и зверей, добыча соли, рыбные ловли и пр.» [6, с. 8], предметами же внешней торговли служили мед, воск, меха. Тесное сотрудничество было налажено с Византией, откуда помимо церковной утвари «русская церковь получала в свою очередь золотые, серебряные, шелковые сафьяновые и др. предметы роскоши» [6, с. 8].

Н.М. Никольский особенностью развития русского монашества в домонгольский период считал социальную ориентированность. Отличительной чертой монашества того времени была двойственность по отношению к обществу. С одной стороны, происходит массовое прикрепление крестьянства к монастырям, с другой и развивается благотворительность в монастырях, и укрепляется судопроизводство. «За монастырями, – указывал Н.М. Никольский, – закрепляются не только служители церкви, но и “задушные люди”, изгои, обанкротившиеся купцы, безместные поповичи и т.д.» [7, с. 44]. Наряду с этим монастыри ведут судебные дела, касающиеся непосредственно церковных людей «при возникновении между ними дел об обиде или тяжбных и наследственных дел» [7, с. 44], содержат больницы и гостиницы. Вся эта деятельность, по мнению Н.М. Никольского, направлялась исключительно на обогащение монастырей. Той же цели служили «наблюдение за правильностью торговых мер и весов, контроль, который был источником значительных доходов» [7, с. 44]. Монастыри увеличивали свои владения различными способами. Зачастую при прикреплении к монастырям люди приписывались вместе с земельными владениями: «изгои отдавались в ведение церкви целыми селами вместе с землею, на которой сидели» [7, с. 44]. С точки зрения Н.М. Никольского, богатство монастырей росло за счет различных даров от князей и зажиточных людей. Так, со времени появления Киево-Печерского монастыря его имущество увеличивалось в основном благодаря крупным вложениям как деньгами, так и селами [7, с. 44]. Исследователь, рассматривая социально-экономическую деятельность монастырей домонгольской Руси, определяет их как «хозяйственные предприятия эксплуататорского характера» [7, с. 45].

Несмотря на провозглашение аскезы и ее пропаганду, именно монастыри, согласно Н. Буркину, принимают «так называемые “вклады” в монасты-

ри» [8, с. 4], что позволяло удовлетворить не только духовные потребности, но и материальные, давало возможность в период войн и междоусобиц «обеспечить целостность имущества» [8, с. 4]. Исследователь обнаруживает четкую взаимозависимость между «вкладами» в монастырь и его дарителем: «чем богаче был человек, тем больший вклад он делал, но тем больше выгод он получал от монастыря» [8, с. 4]. Такое сотрудничество приводило к тому, что «монастырь не только молился за его душу, но и был в зависимости от вкладчика» [8, с. 4]. Как следствие, – полагал Н. Буркин, – «игумены и настоятели обычно были знатного происхождения и были в свое время крупными вкладчиками» [8, с. 5]. Говоря о взаимоотношениях между обществом и монастырями, историк находил, что последние выступали «созданиями торгового капитала и сами представляли крупнейшие торгово-капиталистические организации» [8, с. 5].

Вопрос об участии монастырей в социально-экономическом развитии домонгольской Руси рассматривает и М. Снитко. В его представлении церковь и монастыри обычно являлись крупными собственниками, «владели землями и капиталами и также жили за счет труда рабов, как и правящий класс России», даже несмотря на то, что «отдельные представители духовенства и монашества, случалось, осуждали рабство, и отдачу денег в рост, и пьянство, и разврат» [9, с. 52]. Служителями церкви и монастырей были люди с различным достатком, и М. Снитко делит их на две большие группы. Первую образовало «высшее духовенство, состоящее из митрополитов, епископов и игуменов монастырей», вторую – «простые монахи, священники, дьяконы». Такое разделение приводило к неравенству в монастырях. М. Снитко подчеркивает, что «высшее духовенство было в самом близком родстве с господствующим классом», поэтому «епископы избирались обязательно из бояр», и большую часть монастырской братии составляли «князья и бояре, так как постригавшийся должен был делать вклад или селами, или деньгами» [9, с. 52]. Увеличение богатств монастырей происходило и другими способами. Так, родственники обязательно выделяли долю из имущества покойника «на помин его души, если он даже не оставлял никаких распоряжений». Богатство монастырей росло также «от взносов при пострижении» [9, с. 57–58].

Видный советский историк Б.Д. Греков акцентировал внимание на рабовладении в монастырях домонгольского периода, подчеркивая, что и «в самом Печерском монастыре работали рабы» [10, с. 5], точно так же, как в семьях князей, бояр и различного рода землевладельцев. О рабах есть упоминания в летописных рассказах о жизни крупных монастырских служителей – Феодосия и Варлаама. Источниками дохода монастыря становятся и крупные пожертвования, например, князь Изяслав пожаловал гору Печерскому монастырю, «в то время, когда села у монастыря уже были; находим также известие о даче боярином Ефремом сел в монастырь» [10, с. 34].

Б. Белопольским и А. Тайдышко главным источником доходов монастырей признаются «всевозможные вклады», которые осуществлялись не только в силу самостоятельного решения дарителя, а в большей степени инспирировались самими монахами как способ очищения от грехов: «всякий (как монах, так и мирянин), положенный в монастырь, будет помилован». Помимо этого способа обогащения, существовали и другие, например, вклады при пострижении. «Чем больший вклад вносил в монастырь постригаемый, тем выше был его авторитет в глазах монастырской братии» [11, с. 38], причем в летописях сообщается, что бедняки порой много раз пытались постричься, но «но по нищете его братия пренебрегала им», оставляя послушником. По мере накопления богатства, – утверждают Б. Белопольский и А. Тайдышко, – монастыри стали владеть и селами, и «путем эксплуатации крестьян монастыри увеличивали свои доходы» [11, с. 38].

Таким образом, советские историки 1920–1940-х гг. рассматривали социально-экономическую деятельность монастырей в различных аспектах. Следуя традиции XIX в., исследователи оценивали монастыри домонгольской Руси как крупнейшие землевладельческие организации, однако (в отличие от предшественников) называли их феодалами. Социальная роль и экономическое развитие монастырей рассматривались сквозь призму взаимодействия с князьями и другими зажиточными людьми. Исследователи раскрывали роль монастырей в общественной жизни, формы их участия в торговых операциях, взаимодействия с населением, а также отношения среди монастырской братии.

Библиографический список

1. Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки отечественной историографии / отв. ред. В.В. Мавродин. – Л., 1990.
2. Крыжицкий Г.К. Угодья нестяжателей (о монастырских имуществах). – Пг., 1917.
3. Лобачев И. Правда о Христе и христианстве. – 2-е изд., испр. и доп. – Самара, 1924.
4. Кандидов Б.П. Монастыри-музеи и антирелигиозная пропаганда. – М., 1929.
5. Грекулов Е.Ф. Русская церковь в роли помещика и капиталиста. – М., 1930.
6. Писарев В.И. Церковь и крепостное право в России. – М., 1930.
7. Никольский Н.М. История русской церкви. – М., 1930.
8. Буркин Н. Монастыри в России, их эксплуататорская и контрреволюционная роль. – М., 1931.

9. Снитко М. Откуда и как пошло христианство на Руси. – М., 1931.

10. Греков Б.Д. Рабство и феодализм на Руси // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. – Вып. 86. – М. ; Л., 1934.

11. Белопольский Б., Тайдышко А. Крещение Руси. – Л., 1939.

ББК 63.3(28-8Уфи)

*З.Ф. Хасанова***Традиционные способы обработки шкур диких животных в горно-лесной зоне Башкортостана: к проблеме башкиро-русского взаимодействия****Z.F. Khasanova***Traditional Animal Skin Processing in Mountain-Forest Area of Bashkortostan: to a Problem of Bashkir-Russian Interaction**

Рассмотрены особенности башкиро-русского взаимодействия в области традиционных занятий на примере обработки шкур диких животных у башкир и русских горно-лесной зоны Республики Башкортостан.

Key words: традиционные занятия, межэтнические взаимодействия, выделка и обработка шкур.

Процесс выделки кожи у башкир относится к числу древнейших домашних производств. Натуральные шкуры и кожи являлись распространенным материалом для изготовления одежды, обуви, головных уборов, разнообразных предметов хозяйственно-бытового назначения и снаряжения охотника-воина: мешков, чехлов, сумок, фуляров, колчанов, налучий, ремней, сбруи, а также разнообразных сосудов для приготовления и хранения молочных продуктов у всех скотоводов-кочевников. В условиях горно-лесной зоны в хозяйстве башкир большую роль играла охота, и вследствие этого проживающие в горах Южного Урала башкиры активно использовали в быту шкуры не только домашних, но и диких животных. В уральских лесах обитали лось, косуля, медведь, рысь, волк, норка, барсук, белка, куница [1, с. 23]. Еще в XVIII в., по свидетельству П.С. Палласа, на территории Башкортостана водились северные олени: «... в еловниках при Уфе и по всей части лесной сей страны даже до Камы кроме другой красной дичи, находятся лапландские олени, по башкирски юше, которые часто выходят большими стадами, и смотря по рогам их должны быть не столь рослы, как ближе к северу водящиеся» [2, с. 20–21]. Сохранившееся в языке название замши «болан күне» («оленья кожа») позволяет предположить, что в прошлом башкиры занимались выделкой оленьей и лосиной шкуры. Верхнюю одежду

The article considers features of Bashkir-Russian interaction in the field of traditional activities on the example of processing of wild animals skins by Bashkirs and Russians in the mountain-forest area of Republic Bashkortostan.

Key words: traditional activities, cross-cultural interaction, processing of skins.

шили из шкур рыси, волка, медведя, мягкие сапожки и комнатные туфли – из козьей кожи. Халаты, шубы и головные уборы отделявали мехом лисы, выдры, белки, куницы. Как отмечает С.Н. Шитова, среди всех народов, населяющих Урало-Поволжский регион, башкир отличало широкое использование животного сырья при изготовлении различных изделий [3, с. 90].

В процессе выделки шкуры у башкирского народа было много общего с тюркоязычными и монголоязычными народами. Наиболее определенно линия культурных аналогий связывает их с казаками, киргизами и некоторыми народами Южной Сибири (южными алтайцами, тувинцами). Иногда она продолжается и за пределами отмеченной территории, касаясь якутов, бурят, гораздо реже монголов. Все выше перечисленные народы, как и башкиры, в обработке шкуры использовали кисломолочные продукты [4, с. 169]. Об этом писали исследователи XVIII в. [5, с. 94–95; 6, с. 38–39]. И.Г. Георги про обработку шкур башкирами сообщал следующее: «Мягкую рухлядь (шкуру животного. – З.Х.) вымачивают они в кислом молоке...» [5, с. 94–95].

Определенное влияние на хозяйство и культуру башкир оказывало пришедшее русское население, которые переселились в горно-лесную зону во второй половине XVIII в. [7, с. 75]. Это влияние отразилось в том числе и в домашнем производстве. В свою оче-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного фонда (регионального конкурса «Урал: история, экономика, культура» 2011 г.) проект 11-11-02006а/У.

редь, башкиры также оказывали влияние на русских, что проявлялись в формах и названиях элементов одежды, предметов быта и традиционного хозяйства [8, с. 41].

В данной работе будут рассмотрены особенности башкиро-русского взаимодействия на примере обработки шкур диких животных у башкир и русских горно-лесной зоны Республики Башкортостан (Белорецкий и Дуванский районы).

Способы снятия шкуры диких животных у башкир и русских очень похожи. Существует три таких метода: пластом (ковром), трубкой и чулком. Пластом (ковром) снимают шкуру медведя, барсука, сурка, суслика, хомяка, крота, трубкой – шкурки с большинства пушных зверей, чулком с закрытым огузком – с горностая, ласки, лисы, волка [ПМА1]. После снятия охотничьим ножом соскабливают со шкуры остатки мяса и жира. На шкуру медведя сразу насыпают соль, затем ее складывают. По словам информаторов, после соли легче снимать мездру.

Шкуры диких животных делятся на жирные и нежирные, поэтому способы их выделки различаются. К жирным относятся шкуры медведя, бобра, норки, енота, барсука, к нежирным – волка, лисы, зайца. Жирные шкуры приходится обрабатывать несколько раз.

Следующий этап – выделка. В основном выделкой шкуры занимались сами охотники, реже давали ее на обработку местным мастерам, поскольку она требовала особого умения и опыта. С тщательностью обрабатывали заячьи, беличьи шкурки, так как их тонкая кожа требовала особой осторожности. Например, охотник С.Х. Баязитов из д. Габдюково Белорецкого района отдавал на обработку шкуры диких животных мастеру в с. Карламан [ПМА2].

При сушке шкур диких животных и башкиры, и русские используют правилки. Их формы были различны, особенно соотношения длины и ширины. Для каждого вида промыслового животного готовились отдельные правилки. Их изготавливал сам охотник. Русские делают правилки из толстой цельной деревянной доски (толщина 3–5 см, ширина – не более 40–45 см), заостренной с одного конца (см. рис. 1). Возможно, когда-то башкиры для правилок также использовали цельную доску, но сейчас правилки изготавливаются только из двух узких досок, соединенных вместе углом (см. рис. 2–3). Расправлять шкурки необходимо было для равномерного просыхания мездры, придания им правильной, красивой, близкой к естественной, формы. Без правилок сушат только шкуры белок.

Рис. 1. Правилка для волка. Республика Башкортостан, Дуванский район, с. Вазнесенка. Охотник В.А. Зырянов (фото автора. 2009 г.)

Рис. 2. Правилка для волка. Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Ассы. Охотник М.Р. Нигаматов (фото автора. 2010 г.)